

УДК 903.2(470.53)"04/14"

doi 10.17072/2219-3111-2021-1-81-93

Ссылка для цитирования: Крыласова Н. Б., Косинцев П. А. Амулеты-натуралии из костей млекопитающих в средневековом Пермском Предуралье // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1(52). С. 81–93.

АМУЛЕТЫ-НАТУРАЛИИ ИЗ КОСТЕЙ МЛЕКОПИТАЮЩИХ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ

Н. Б. Крыласова

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 614900, Пермь, ул.Ленина, 13а
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, Пермь, ул.Сибирская, 24
n.krylasova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2032-8292
ResearcherID: AAZ-7638-2020
Scopus Author: 18042259600

П. А. Косинцев

Институт экологии растений и животных УрО РАН, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 202
kra@ipae.uran.ru

При исследованиях средневековых памятников Пермского Предуралья нередко встречаются амулеты из разных частей скелета млекопитающих, которые никак не обрабатывались, за исключением просверленного отверстия для ношения. За отсутствием палеозоологических определений, они отдельно не рассматривались исследователями. Благодаря сотрудничеству с палеозоологами ИЭРЖ УрО РАН, определены и проанализированы амулеты из раскопок последних лет. В итоге сделан вывод, что амулетами служили определенные части скелета – преимущественно зубы, нижние челюсти, таранные кости, в меньшей степени когтевые фаланги, половые косточки, плечевые и берцовые, отростки рога. Среди зубов представлены резцы и клыки. Резцы преобладали крупных копытных (КРС, лошадь, лось), видовой принадлежность клыков шире (куница, лисица, собака, лошадь, свинья и медведь). Из челюстей подавляющее большинство составляют нижние челюсти куницы, единичны – бобра и лисицы. Из таранных костей наиболее распространены кости бобра и мелкого рогатого скота. В целом использовались части скелета и домашних животных – крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, реже собака, свинья, и диких – лось, медведь, куница, лисица, бобр, выдра, заяц. По находкам амулетов в погребениях установлено, что челюсти, клыки медведя, таранные кости бобра носили у пояса, клыки куницы и лисицы включали в ожерелья. По половозрастному составу индивидов, в погребениях которых найдены амулеты, установлена их принадлежность наиболее уязвимым представителям общества – детям, старикам, женщинам. Не прослеживается связи с промысловой магией, не являлись амулеты и атрибутами культов. Вероятно, они связаны не с верой, а с суевериями, и выступали в качестве личных помощников и оберегов.

Ключевые слова: средневековая археология, палеозоология, Пермское Предуралье, амулеты-натуралии, млекопитающие.

Одной из интересных и информативных категорий материальной культуры являются амулеты-натуралии, отчасти приоткрывающие завесу и в мир духовной культуры древнего населения.

Есть разные классификации амулетов, обычно объединяющие подвески с особым символическим значением, в ряду с ними рассматривают и амулеты-натуралии. Так, Л.А. Голубева разделяла амулеты на три группы: амулеты, связанные с космогоническими верованиями, с заклинательной магией и культом животных [Голубева, 1997, с.153], и в последней группе выделяла как особую подгруппу амулеты из зубов, когтей и костей зверей и птиц [Там же, с.157].

Само понятие «амулеты-натуралии», хотя и используется исследователями, не имеет четкого определения и не отражает всего спектра предметов, могут относиться к этой категории археологического материала. Основываясь на материалах Пермского Предуралья, можно опре-

делить их как натуральные природные объекты, не подверженные дополнительной обработке, за исключением создания приспособления для ношения: отверстия, реже – желобка для привязывания шнура. Это части млекопитающих (челюсти, зубы, когти, отдельные виды костей, отростки рога), птиц (кости, когти), рыб (просверленные позвонки), раковины моллюсков, окаменелости (см. например [Белавин, Крыласова, 2008, рис.194, 1–2]) и, возможно, плоды некоторых видов растений.

К числу амулетов могли принадлежать и шкурки. В Пермском Предуралье они пока не встречены, но известны в Ветлужско-Вятском междуречье. Там среди содержимого поясных кошельков, изготовленных из хвоста бобра (которые и сами могли быть своеобразным амулетом), обнаружены когти рыси, фрагменты шкурки с головы лисицы и шкурки норки, скрученный в жгут человеческий волос. Т.Б. Никитина не исключает, что они могли быть оберегами, и считает, что кошельки имели в большей степени культовое, а не функциональное назначение [Никитина, 2013, с.157]. В могильниках Пермского Предуралья есть аналогичные кошельки, возможно, со схожим содержанием. И.Н. Гемуев приводит описание похожих у манси: «Все его талисманы... хранились в маленьком кошельке, который сам по себе, будучи сшит из кожи еще не родившегося лосенка, казалось, уже представлял что-то священное. Из него он... вытаскивал обточенные камешки замысловатых форм,.. металлический... слиток с изображением лося,.. зуб медведя и еще какую-то куколку... Оказалось, что все эти талисманы обладали чудодейственными свойствами то во время охоты, то для рыбной ловли, то в путешествии по воде, то в семейной жизни...» [Гемуев, 1990, с.169].

Массовыми амулетами были позвонки костно-хрящевых рыб – у них срезаны острые отростки, а на месте спинномозгового канала просверлено отверстие для шнурка (определение костей рыб еще не проводилось). Из морских моллюсков (незаслуженно обойденных вниманием специалистами, изучающими средневековую торговлю) известны раковины каури, применявшиеся в качестве средства платежа и украшений-амулетов, раковины отряда Гребенчатозубые (Taxodonta), а наряду с ними, судя по материалам Плотниковского могильника XIII–XV вв., раковины местных улиток с пробитыми отверстиями [Крыласова, Брюхова, 2017, с.134]. Что касается плодов растений, то в погребении 284 Баяновского могильника в состав низки бус входили просверленные орехи лещины [Крыласова, Подосенова, 2017, рис.4]. Возможно, они просто восполняли недостаток стеклянных бус, но нельзя исключать и того, что орехи наделялись какой-то магической функцией.

На иных территориях ассортимент амулетов варьируется в зависимости от местных особенностей и представлений населения. Так, В.Е.Флерова при анализе коллекции Саркела – Белой Вежи кроме зубов, костей животных и птиц выделила амулеты из панциря черепахи [Флерова, 2001, с. 111–112].

Остановимся на амулетах-натуралиях из частей скелета млекопитающих. Источниками для исследования послужили материалы средневековых памятников Пермского края, где проводятся исследования силами Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета:

трех городищ: Саломатовское VIII–XIII вв. (раскопки С.И.Абдуловой 2011–2014 гг.), Рождественское конца IX – первой половины XIV в. (раскопки Н.Б. Крыласовой 2008–2012, 2014–2019 гг.), Роданово X–XIV вв. (раскопки А.Н. Сарапулова 2016–2019 гг.);

трех могильников: Баяновского второй половины IX – первой половины X в. (раскопки А.В. Данича 2005–2019 гг.), Рождественского конца IX – рубежа XI и XII вв. (раскопки Н.Б. Крыласовой 2008–2012, 2014–2019 гг.), Плотниковского XIII–XV вв. (раскопки Н.Б. Крыласовой 2007, 2009 гг., Н.Г. Брюховой 2010–2019 гг.). К сожалению, средневековые могильники Пермского Предуралья отличаются плохой сохранностью костного материала и не позволяют судить о масштабах распространения амулетов, но по сохранившимся экземплярам можно определить половозрастные особенности использования различных амулетов и их место в costume.

Большинство изделий из кости и рога, найденных в последние два десятилетия, определено палеозоологами Института экологии растений и животных УрО РАН. Вероятно, именно отсутствие определений видовой принадлежности амулетов-натуралий – основная причина того, что они редко становятся объектом исследования.

Ввиду малочисленности работ, специально посвященных амулетам-натуралиям, четких принципов их классификации пока не разработано. Исследователи систематизируют их, исходя из своих исследовательских задач. Е.А. Тянина положила в основу классификации амулетов Великого Новгорода видовую принадлежность животных, в результате сделала выводы о наличии культа тех или иных животных [Тянина, 2011]. Нам больше импонирует принцип, положенный в основу классификации амулетов из Надымского городка [Лобанова и др., 2019], построенной на основании принадлежности их к разным элементам скелета и видам животных. Дело в том, что из множества костей, составлявших скелет млекопитающих, для амулетов почти повсеместно использовался их весьма ограниченный набор. Интересно выяснить, что определяло выбор именно этих костей, и какое они имели смысловое значение, но в рамках одной статьи полностью решить эту задачу невозможно.

На основе этого принципа амулеты Пермского Предуралья разделены на группы: челюсти, зубы, когтевые фаланги (далее – когти), отдельные кости, отростки рога. Типы амулетов выделены по видовой принадлежности животных.

Группа I – нижние челюсти. Амулетами служили правая или левая половинка нижней челюсти, у которой в центральной части восходящей ветви над челюстным отверстием просверливалось отверстие.

Тип 1 – нижняя челюсть куницы (правые – 18 экз., левые – 28 экз., рис.1, 1–46). Левых челюстей статистически достоверно больше, чем правых, что позволяет сделать вывод об их преимущественном использовании.

Тип 2 – нижняя челюсть бобра, правая (1 экз., рис.16, 47).

Тип 3 – нижняя челюсть лисицы, левая (1 экз., рис.1, 48).

Эта группа объединяет исключительно челюсти пушных животных. Такие амулеты характерны для финно-угров Урала и Западной Сибири, но сравнение с материалами Надымского городка показывает разницу в видовом составе животных: в Пермском Предуралье преобладают челюсти куницы, на Ямале – песца и соболя [Лобанова и др., 2019, с.412–413]. Одинаково редки челюсти лисицы, челюсть бобра пока единична. Г.Т. Ленц упоминала также челюсть собаки с Анюшкара [Ленц, 2002, с. 230]. Исследователи коллекции Надымского городка отмечают, что челюсти соболя имеют аккуратно просверленное отверстие и следы носки, это указывает на их использование как амулетов. У остальных отверстия пробиты, имеют острые неровные края, предполагается, что большинство из них никогда не носили как амулеты. Вероятно, их нанизывали на веревку и подвешивали в жилище на время промыслового сезона как талисманы, приносящие охотничью удачу [Лобанова и др., 2019, с.420]. Данные могильников Пермского Предуралья уточняют особенности использования амулетов из челюстей. Так, в мужском погребении (п.36) Рождественского могильника челюсть куницы найдена у пояса [Белавин, Крыласова, 2008, с.104, рис.57], на Баяновском могильнике в погребении ребенка пяти–шести лет (п.468) – на поясе слева. Такие амулеты найдены и на Деменковском могильнике, у пояса в женском погребении (п.87) и в разрушенном погребении (п.106) [Генинг, 1964, с.139, 141, рис. 9, 3]. Следовательно, амулеты из челюстей носили на поясе вне зависимости от половозрастной принадлежности, и вряд ли можно связывать их с промысловой магией. Значение их зафиксировал Н.Л. Гондатти: «Если при себе иметь мордочку лисицы, соболя или горноста, то все будет удаваться» [Гондатти, 1888, с. 53].

Группа II – зубы с отверстием, просверленным в корневой части.

Подгруппа IIa – резцы.

Тип 1 – резцы крупного рогатого скота (12 экз., рис.2, 1–12).

Тип 2 – резцы лошади (3 экз., рис.2, 17–19).

Тип 3 – резцы лося (4 экз., рис.2, 13–16).

Тип 4 – резец собаки верхний второй (1 экз., рис.3, 4).

Подгруппа IIб – клыки животных.

Тип 1 – клык лошади (1 экз., рис.2, 20).

Тип 2 – клыки собаки (верхний правый, нижний левый) (2 экз., рис.2, 22–23).

Тип 3 – клык свиньи (1 экз., рис.2, 21)

Тип 4 – клыки лисицы (3 экз.: верхний правый, рис.2, 24; верхний и нижний, рис. 3, 4).

Тип 5 – клыки куницы (22 верхних: 7 правых, 9 левых, 6 не определены; 4 нижних: 2 правых и 2 левых, рис. 3, 1–3).

Тип 6 – клыки медведя (4 экз., 2 верхних правых, 1 нижний левый, 1 – положение не определено рис.2, 25–28).

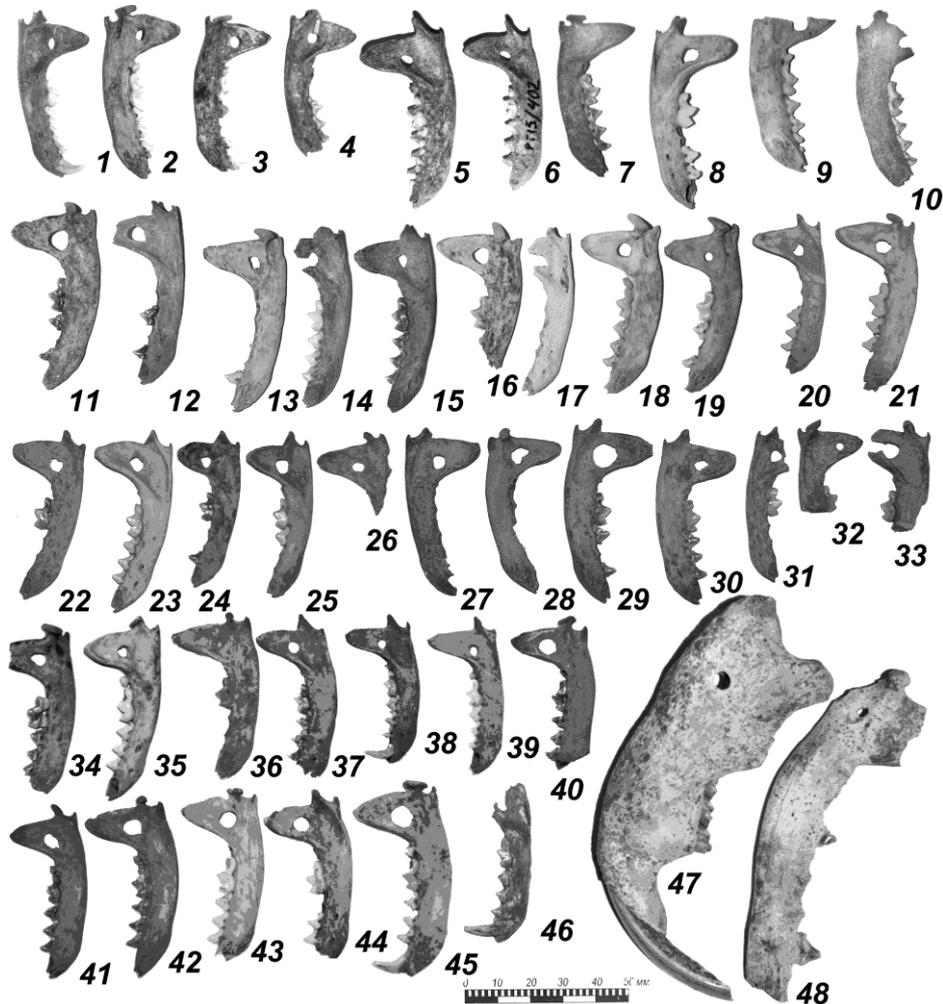

Рис. 1. Амулеты из нижней челюсти пушных животных: 1–46 – челюсти куницы, 47 – челюсть бобра, правая, 48 – челюсть лисицы левая.

Рождественское городище: 1–2 (раскоп VII 2010 г.), 3–4 (раскоп V 2011–2012 гг.), 5–6 (раскоп IX 2015 г.); Саломатовское городище: 7–19 (раскоп I 2011 г.), 20–33 (раскоп I 2012 г.), 34–35 (раскоп I 2013 г.), 36–45, 47–48 (раскоп II 2014 г.); Баяновский могильник: 46 (п.468)

В первой подгруппе представлены амулеты из резцов крупных копытных (кроме резца собаки из женского ожерелья с Баяновского могильника). Преобладают резцы крупного рогатого скота, характерные для Предуралья, где они встречались и ранее на городищах Шудьякар [Голдина, Кананин, 1989, рис.78, 11], Анюшкар [Лениц, 2002, рис.64, 19–20], Рождественском [Белавин, Крыласова, 2008, рис.194, 13–16], Иднакар [Иванова, 1998, рис.80, 6–10]. О таких амулетах на Руси, где скотоводство также было одной из ведущих отраслей хозяйства, исследователи не упоминают. Менее массовыми были амулеты из резцов и клыка лошади; из прежних можно указать единичную находку с Анюшкара [Лениц, 2002, рис.64, 21]. В Надымском городке подвеска из резца лошади была единственной костью этого животного среди всего остеологического материала [Лобанова и др., 2019, с.412] и, безусловно, являлась привозной. Встречаются амулеты и из резцов лося, такие есть среди прежних находок с Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, рис.194: 12] и Шудьякара [Голдина, Кананин, 1989, рис.78: 9]. Подвески из резцов лося находили в Надымском городке и на других памятниках Западной Сибири [Лобанова и др., 2019, с.412].

Вторая подгруппа объединяет амулеты из клыков разных видов животных. Из домашних животных, кроме упомянутого клыка лошади, есть единичные находки клыков свиньи и собаки. Клык свиньи обнаружен у пояса в погребении мужчины 30–40 лет (п.129), клык собаки – у пояса в погребении мужчины 20–25 лет (п.118) на Плотниковском могильнике [Крыласова, Брюхова, 2017, с.43–46]. Еще один клык собаки происходит с Рождественского городища, а ранее такие амулеты встречались на городище Анюшкар [Ленц, 2002, рис.64, 18]. Подвески из клыков собаки известны в Западной Сибири [Лобанова и др., 2019, с.412], на Руси [Голубева, 1997, с.157], в хазарском слое Саркела – Белой Вежи [Флерова, 2001, с. 111, рис. 59, 5, 9].

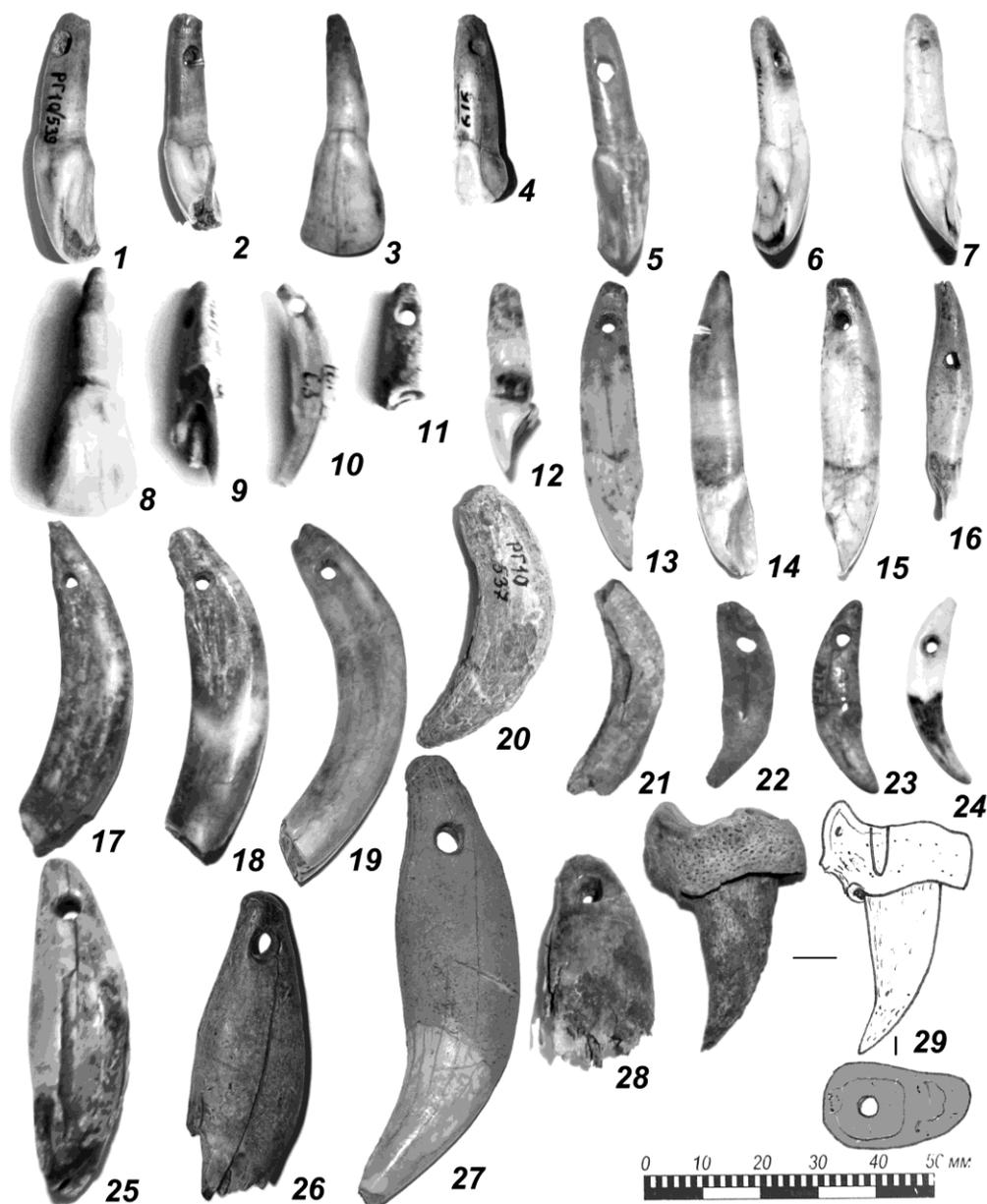

Рис.2. Амулеты из зубов и когтей животных: 1–12 – резцы крупного рогатого скота, 13–15 – резцы лося, 16 – молочный резец лося, 17–19 – резцы лошади, 20 – клык лошади, 21 – клык свиньи, 22–23 – клыки собаки, 24 – клык лисицы, 25–28 – клыки медведя, 29 – коготь медведя. Рождественское городище: 1–2, 16, 20 (раскоп VII 2010 г.), 3–5, 17–18, 23 (раскоп IX 2014, 2015, 2016 гг.), 6–7, 24, 29 (раскоп VIII 2018–2019 г.), 14–15 – (раскоп V 2012 г.); Роданово городище: 8–10 (раскоп I 2016 г.), 11–12, 25 (раскоп I 2019 г.); Саломатовское городище: 13 (раскоп II 2014 г.), 19, 26 (раскоп I 2011 г.), 27 (раскоп I 2012 г.); Плотниковский могильник: 21 (п.129), 22 (п.118); Рождественский могильник: 28 (п.388)

Из диких животных в рассматриваемой коллекции представлены амулеты из клыков лисицы, куницы и медведя. Клыки лисицы происходят с Рождественского городища, из Бояновского могильника, а ранее такой амулет найден на Родановом городище [Талицкий, 1951, рис. 32, 8]. Амулеты из клыков лисицы известны в Западной Сибири. Причем находка в Надымском городке трех клыков в скоплении позволяет предполагать, что они были частью ожерелья [Лобанова и др., 2019, с.412]. На Руси зафиксирована традиция использования клыков лисицы, наряду с клыками волка, собаки и куницы в составе женских ожерелий [Голубева, 1997, с.157]. Е.А. Тянина в связи с этим приводит любопытную ссылку на поздний фольклор, где лиса выступает как женский брачный символ или олицетворение хитрости, кроме того, лиса была традиционным объектом отгонно-поражающей магии [Тянина, 2011, с.167].

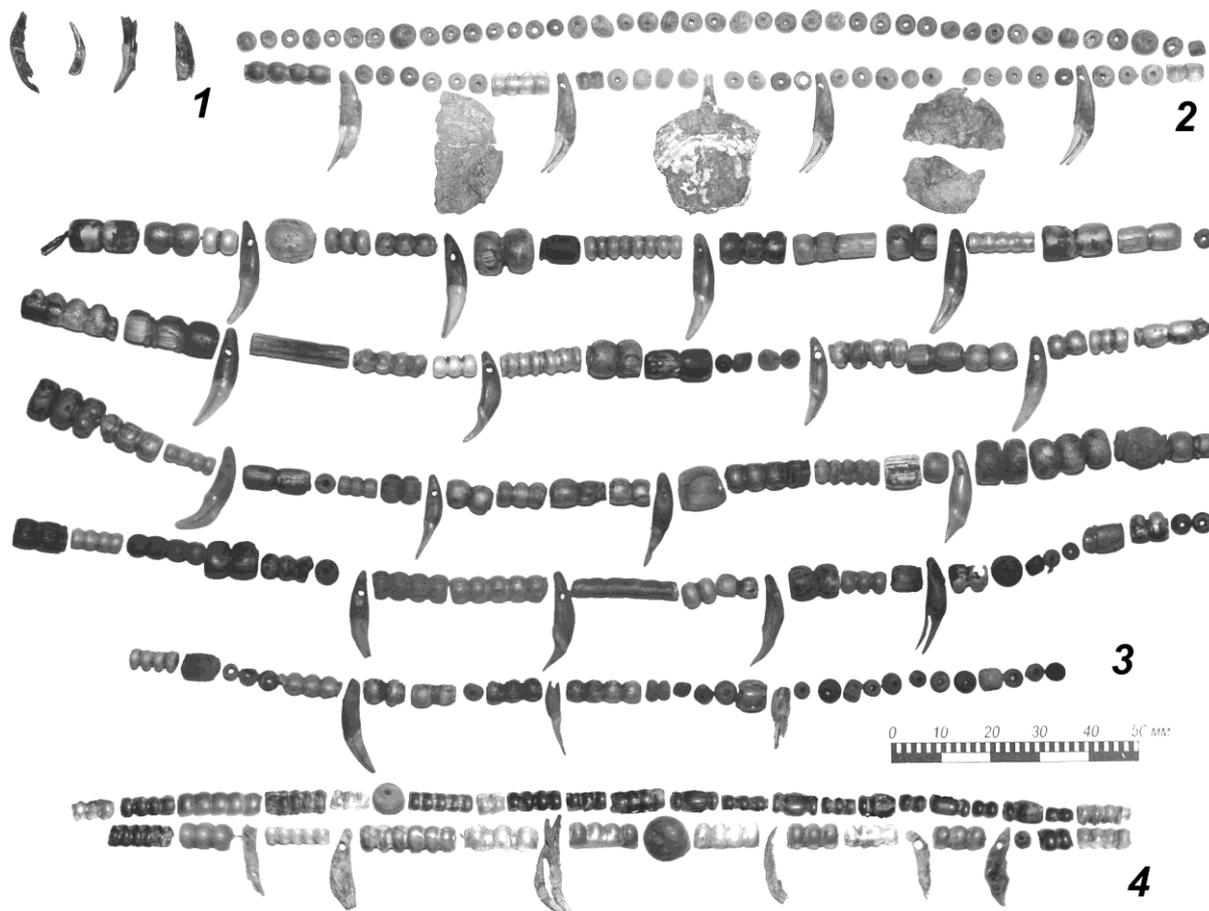

Рис.3. Ожерелья с зубами млекопитающих: клыки куницы (1–3), лисицы (4), резец собаки (4).
Баяновский могильник: 1 (п.101), 2 (п.136), 3 (п.252), 4 (п.365)

Специального рассмотрения заслуживают ожерелья Бояновского могильника из четырех погребений женщин 16–30 лет (рис.3, 1–4). В состав ожерелий из стеклянных бус входили амулеты из зубов млекопитающих, включавшие резец собаки, два клыка лисицы (п.365, рис.3, 4), а преимущественно – клыки куницы (26 экз., рис.4, 1–3). Из клыков куницы 22 были верхними, 4 нижними, – очевидно, что для ожерелий отбирались почти исключительно верхние клыки. Сторона, вероятно, не имела значения, так как соотношение правых и левых верхних клыков количественно соотносятся как 1:1.

Клыки медведя служили амулетами почти повсеместно в ареале распространения этого зверя, включая и Предуралье. Здесь кроме амулетов из рассматриваемой коллекции ранее клыки медведя встречены на городищах Анюшкар [Ленц, 2002, рис. 64, 9; 69, 5], Шудьякар [Голдина, Кананин, 1989, рис.77, 7], Городищенском [Белавин, 1986, рис. 5, 4–5], Рождественском [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 194, 10], Иднакар [Иванова, 1998, рис.80, 22, 24]. Ведущие исследователи средневековых культур Пермского Предуралья из всего многообразия амулетов упоминают лишь медвежьи клыки, хотя они были далеко не самыми массовыми. Р.Д.Голдина указывает, что «медвежьи клыки употреблялись в качестве оберегов и входили в состав ожерелий»

[Голдина, 1985, с. 151–152], В.А. Оборин, что они «использовались как амулеты» [Оборин, 1999, с. 280]. В могильниках амулет из клыка медведя пока встречен только в погребении ребенка двух–четырех лет (п.388) Рождественского могильника, где он находился возле поясной привески.

По наблюдениям Г.Т. Ленц, медвежьи клыки были не только амулетами, но и служили орудиями для распутывания узлов на оленьих и собачьих упряжках, о чем свидетельствуют заполированные острые концы клыков, а экземпляры с зубцами, нарезанными по краю зуба – орнаментирами для нанесения гребенчатых отпечатков на керамическую посуду [Ленц, 2002, с.230, рис.64, 9; 69, 5; Белавин, 1986, рис.5, 5].

Медведь особо почитался финно-уграми, обычай носить его клык у пояса сохранялся до недавнего времени. Печорские охотники еще в начале XX в. вешали на ремень продырявленные медвежьи клыки как талисман [Сидоров, 1928, с.133], остяки «клык медведя носили на поясе и считали, что он оберегает от злых духов и приносит удачу в охоте» [Косарев, 1984, с.184], у манси медвежий клык на поясе считался амулетом от боли в пояснице [Федорова, 1978, с.200]. В альбоме «Мифологическое время» приведена подобная информация: «...На поясе закреплялись... медвежьи клыки, охранявшие хозяина "со спины". Ночующий в лесу охотник может спать спокойно, положив под голову пояс с медвежьим клыком; в дом, где находится такой пояс, не посмеет проникнуть нечисть; спину опоясанного человека не станут одолевать духи, вызывающие ломоту и боль в пояснице» [2003, с.45].

Кроме амулетов из клыков указанных животных на Анюшкаре найдены подвески из клыков россомахи и барсука [Ленц, 2002, рис.64, 15–17].

Группа III – когти

Тип 1 – когтевая фаланга медведя (1 экз., рис.2, 28).

Коготь медведя в рассматриваемой коллекции единственный, но подобные встречались ранее на Родановом городище [Талицкий, 1951, рис. 32, 11], Рождественском [Белавин, Крыласова, 2008, рис.194, 11], Иднакаре [Иванова, 1998, рис.80, 11]. На поселениях Руси амулеты из когтей медведя тоже редки. Но эти амулеты широко распространены в погребальных памятниках Восточной Европы, на основании чего Е.А.Тянина выдвинула предположение об их связи с погребальной обрядностью [Тянина, 2011, с.164].

Группа IV – кости

Подгруппа IVa – таранные кости. Таранная кость (talus) или астрагал (astragalus) – одна из костей предплюсны, формирующая нижнюю часть голеностопного сустава.

Тип 1 – таранные кости бобра (27 экз., правые – 12 экз., левые – 15 экз., рис.4), имеют отверстия, просверленные в головке таранной кости. Соотношение правых и левых костей статистически не отличается от соотношения 1:1.

Как и амулеты из клыков медведя, амулеты из таранных костей бобра распространены практически повсеместно, где он водится. Такие амулеты и ранее встречались на Родановом городище [Талицкий, 1951, рис.32, 10], Шудьякар [Голдина, Кананин, 1998, рис.80, 5], Анюшкар [Ленц, 2002, рис.64, 11], Иднакар [Иванова, 1998, рис.80, 5]. С Роданова городища кроме этого происходит амулет из таранной кости выдры, пока единственный в Пермском крае [Талицкий, 1951, рис.32, 9].

Для понимания значения этих амулетов важны материалы Плотниковского могильника, где таранные кости бобра найдены в восьми погребениях – шести детских, двух мужских. Пять амулетов было в погребении подростка 14–16 лет (п.50), из них три – в изголовье, два – у левой стопы. В погребениях детей одного–двух (п.7), семи–восьми (п.51), полутора–двух лет (п.94) по два амулета у пояса. В погребениях мужчин 45–60 лет (п.66, 71) и ребенка полугода–одного года (п.72) было по одному амулету, в двух случаях – на поясе, в одном – в изголовье [Крыласова, Брюхова, 2017, с.34–37]. Таким образом, эти амулеты характерны для маленьких детей и престарелых (по тем временам) мужчин, которые, очевидно, являлись наиболее уязвимыми и нуждались в магической защите.

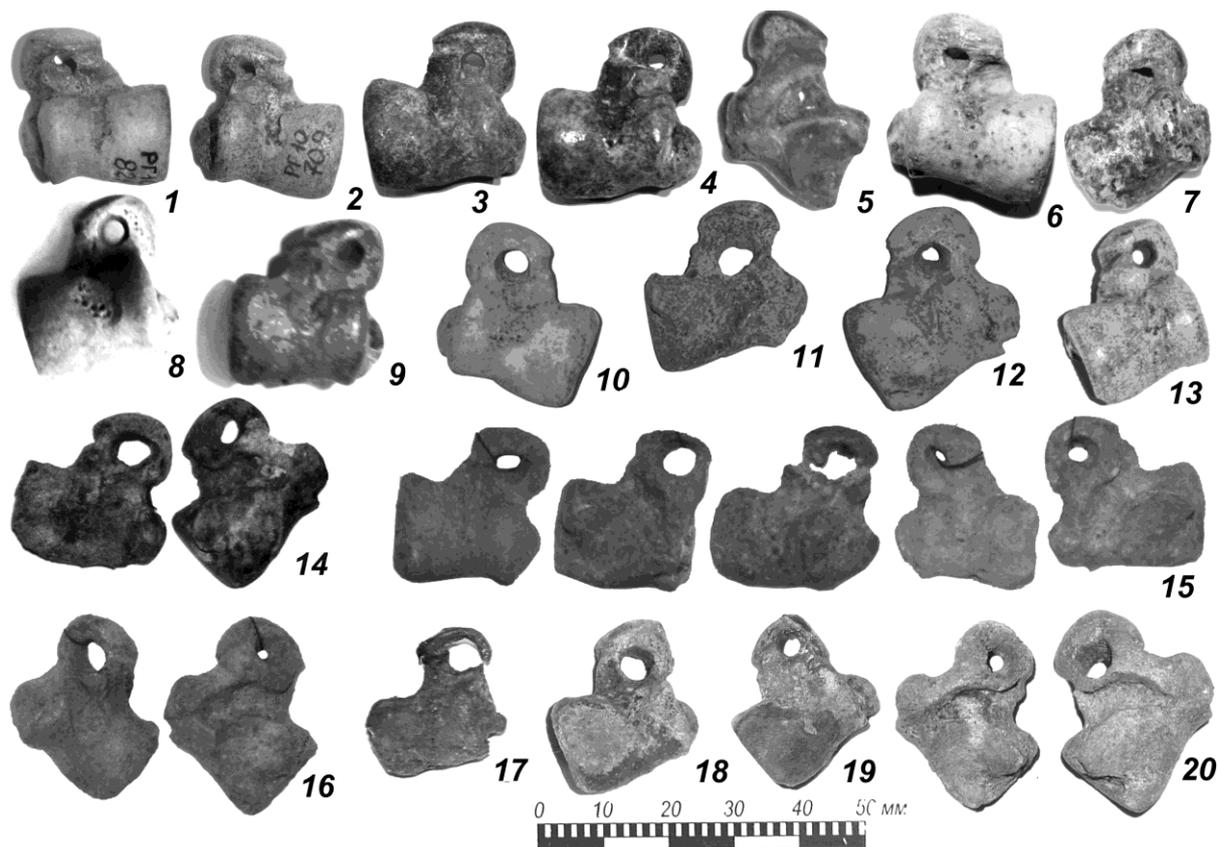

Рис.4. Амулеты из таранных костей бобра. Рождественское городище: 1–2 (раскоп VII 2010 г.), 3–6 (раскоп V 2011–2012 гг.), 7 (раскоп VIII 2019 г.); Роданово городище – 8 (раскоп I 2016 г.), 9 (раскоп I 2019 г.); Саломатовское городище: 10–12 (раскоп I 2012 г.), 13 (раскоп II 2014 г.); Плотниковский могильник: 14 (п.7), 15 (п.50), 16 (п.51), 17 (п.66), 18 (п.71), 19 (п.72), 20 (п.94)

Поэтому точка зрения о связи амулетов из таранных костей бобра с бобровым промыслом [Тянина, 2011, с. 167] верна лишь в том смысле, что промысел обеспечивал потребность в этих амулетах. Более правдоподобной представляется точка зрения о связи данных амулетов с известными мифами об уязвимости человеческой пяты («речь идет о символе не физической, реальной уязвимости, а об уязвимости семантической»). Во многих археологических публикациях с описанием подвесок из таранных костей, исследователи интерпретируют их в первую очередь как амулеты, предназначенные для охраны женщин и детей, которые были наиболее слабы [Лобанова и др., 2019, с. 422].

Тип 2 – таранные кости мелкого рогатого скота (15 экз., рис.5, 2–5, 7–13, 15–18). Из них определены кости овцы (5 правых и 6 левых); козы (1 правая и 2 левые), овцы-козы (1 правая). Соотношение правых и левых костей статистически не отличается от соотношения 1:1.

Вариант А – с отверстием, просверленным по центру (7 экз., рис.5, 2, 5, 7–9, 11, 17).

Таранные кости домашних копытных (астрагалы) применялись в популярной игре в «бабки», поскольку, падая на плоскость, они всегда оказываются в устойчивом положении. Астрагалы подразделялись на «фишки» и «биты», в «битах» просверливали полуотверстие и заливали его свинцом [Яворская, Бадеев, 2019, с.217]. На предметах из Пермского Предуралья отверстие обычно сквозное, в него невозможно залить металл. По нашему мнению, они могли быть амулетами, но однозначно утверждать это нельзя. Г.Т. Ленц, анализируя материалы Аношкара, интерпретировала их как детали вертлюгов [Ленц, 2002, с. 229, рис. 64, 8; 73, 2]. Такие предметы находили и ранее на Рождественском городище [Белавин, Крыласова, 2008, рис.209, 10–12] и Иднакаре [Иванова, 1998, рис.80, 13].

Вариант Б – с отверстием, просверленным сбоку (8 экз., рис.5, 3–4, 10, 12–13, 15–16, 18). В отличие от предметов варианта А эти кости могли быть только подвесками. Ранее они встре-

чались на Рождественском городище [Белафин, Крыласова, 2008, рис.194, 18–19] и Иднакаре [Иванова, 1998, рис.80, 14].

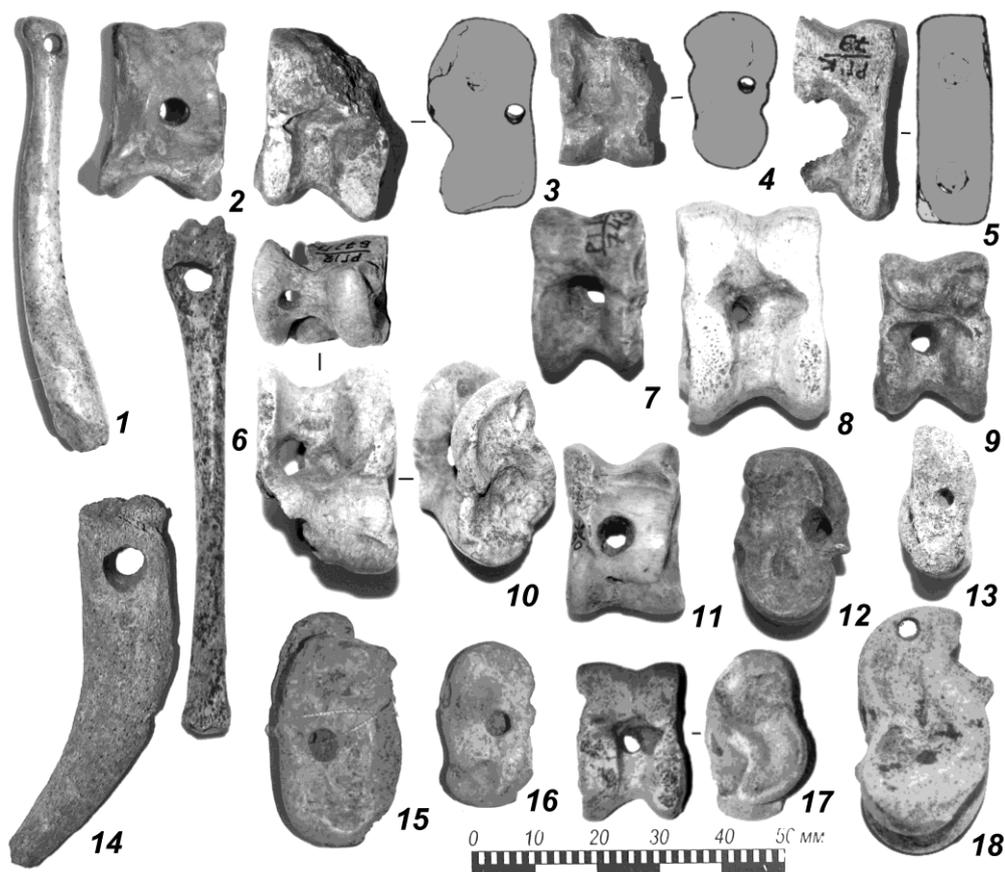

Рис.5. Амулеты из костей животных: 1 – *Os penis* выдры, 2–5, 10–13, 15–18 – таранная кость мелкого рогатого скота (коза, овца), 6 – плечевая кость зайца, 14 – отросток рога северного оленя. Рождественское городище: 1–5 (раскоп VII 2010 г.), 6 (раскоп V 2012 г.), 7 (раскоп IX 2016 г.), 8–12 (раскоп VIII 2018 г.), 13 (раскоп VIII 2019 г.); Саломатовское городище: 14 (раскоп I 2011 г.), 15–16 (раскоп I 2012 г.), 17 (раскоп I 2013 г.), 18 (раскоп II 2014 г.)

Подгруппа IVб – *Os penis* или бакулюм – кость, образовавшаяся в соединительной ткани полового члена, известная у пяти отрядов млекопитающих.

Тип 1 – *Os penis* выдры (1 экз., рис.5, 1).

Две подвески из бакулюмов выдры ранее найдены на Иднакаре [Иванова, 1998, с. 181, рис. 80, 16, 17].

Подгруппа IVв – подвески из костей конечностей млекопитающих

Тип 1 – правая плечевая кость полузрелого зайца (1 экз., рис.5, 6).

Аналогичный амулет известен на Иднакаре [Иванова, 1998, с.181, рис.80, 15]. В Надымском городке подобные амулеты изготовлены из плечевой кости бобра [Лобанова и др., 2019, с. 413–414].

Ассортимент амулетов из отдельных костей млекопитающих можно дополнить за счет ранее опубликованных материалов. На Родановом городище найдена подвеска из тарзальной кости лошади [Талицкий, 1951, рис.32, 6], подобные известны в материалах Великого Новгорода [Тянина, 2011, с.166, рис. 3, 2]. На Анюшкаре кроме упомянутых амулетов Г.Т. Ленц выделила подвески из подъязычных костей крупного рогатого скота, берцовой кости куницы [Ленц, 2002, с.230, рис.64, 5–6]. Амулеты из берцовой кости куницы есть и на Иднакаре [Иванова, 1998, рис.80, 16–17]. На Рождественском городище найдена подвеска-амулет из эпифиза грифельной кости лося [Белафин, Крыласова, 2008, рис.194, 17], на Иднакаре – подвеска из второй фаланги крупного рогатого скота [Иванова, 1998, с.181, рис. 80, 14].

Группа V – подвески (амулеты) из рога животных.

Тип 1 – просверленный отросток рога северного оленя (1 экз., рис.5, 13).

В опубликованных ранее материалах амулеты в виде отростков рога с отверстием известны на Рождественском [Белавин, Крыласова, 2008, рис.194, 18–19], Анюшкар [Ленц, 2002, рис.64, 10; 73, 4], Шудьякар [Голдина, Кананин, 1989, рис.83, 38] городищах. По мнению Г.Т.Ленца, они одновременно были орудиями для развязывания узлов на кожаной упряжи.

Таким образом, анализ рассматриваемой коллекции с привлечением ранее опубликованных материалов показал, что в качестве амулетов средневековое население Предуралья использовало кости и домашних, и диких животных. Из домашних представлены все основные виды: крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот, свинья и собака. Из диких преобладают пушные животные, которые были объектом промысловой охоты; куница, бобр, лисица, и крупные животные, занимавшие особое место в мировоззрении населения – медведь и лось. Амулетами служили челюсти пушных животных, зубы (резцы и клыки), отличающиеся наибольшим разнообразием представленных видов животных, когти медведя, таранные кости бобра и мелкого рогатого скота, в меньшей степени – половые косточки, берцовые кости куницы, плечевые кости зайца, отростки рога северного оленя.

В целом амулеты-натуралии (учитывая не включенные в анализ кости рыб) отражают почти все основные направления хозяйственной деятельности (скотоводство, охота, рыболовство).

Нам, очевидно, не дано полностью расшифровать смысл амулетов-натуралий. Тем не менее немногочисленные данные могильников и довольно скудные этнографические сведения в совокупности отчетливо показывают, что обычно исследователи преувеличивают значение амулетов. Наличие многочисленных амулетов из костей домашних животных позволяет опровергнуть распространенную в советский период точку зрения об их связи с тотемизмом. Зачастую исследователи проводят параллель между амулетами и существовавшими в прошлом культами животных. Да, можно допустить наличие культа медведя, коня. Существующие в рассматриваемый период предметы с зооморфными изображениями свидетельствуют об особом отношении к лосю, бобру, пушным животным, но они не охватывают весь ассортимент амулетов. То, что амулеты не связаны с культами животных, отчасти подтверждается тем, что в многочисленных детальных описаниях ритуала медвежьих праздников ни разу не встречалось упоминаний о том, что в какой-то момент у медведя изымались клыки и когти для дальнейшего использования в качестве амулетов. Материалы могильников не подтверждают и связи амулетов с промысловой магией. Так, челюсти пушных животных встречены в погребениях не только мужчин (которые могли быть охотниками-промысловиками), но и детей, и женщин. По поводу амулетов из таранных костей бобра господствует точка зрения о связи их с людьми, занятыми бобровым промыслом [Тянина, 2011, с.167], но в Пермском Предуралье они встречены в погребениях детей и стариков, а на других территориях – женщин и детей, т. е., наиболее уязвимых членов сообщества. И связь с бобровым промыслом заключается лишь в том, что он обеспечивал потребность в данных амулетах.

Связь амулетов с определенными культами и верованиями, существовавшими в рамках определенных коллективов, опровергается и тем, что отдельные виды амулетов (медвежьи клыки и когти, таранные кости бобра, зубы отдельных животных) чрезвычайно широко распространены во времени и пространстве (практически по всему ареалу расселения этих животных). В подобных амулетах, вероятно, был заложен какой-то общий смысл, выходящий за рамки местных культов.

Амулеты, очевидно, объединяли в себе несколько функций. Как часть определенного животного, они могли быть направлены на усиление в человеке каких-то качеств (детородной способности женщин, силы, быстроты реакции, зоркости у мужчин-охотников, способности противостоять внешним опасностям, осторожности у детей), на успех в определенной деятельности (функция талисмана), на защиту от болезней и различных неудач (функция оберега). И широкое распространение амулетов показывает, что люди верили в них как в своих личных помощников.

Многие исследователи отмечают пик распространения амулетов в X–XIII вв., такая датировка применима и для коллекции амулетов Пермского Предуралья. А это время, когда на Руси

уже было принято христианство, в Волжской Болгарии – ислам, частично проникший и в Прикамье, но амулеты представлены наиболее массово и в большом разнообразии. Поэтому, вероятно, амулеты следует связывать больше не с верованиями, а с суевериями. Это отмечал еще К.Ф.Карьялайнен «Кстати сказать, в целом представляется, что так называемые амулеты характерны не для неразвитых, а напротив, для очень развитых форм религии» [Карьялайнен, 1995, с. 269].

Библиографический список

- Белавин А.М. Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века. Межвуз. сб. науч. тр. Устинов: Б. и., 1986. С. 130–142.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афукула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Б. и., 2008. 603 с.
- Гемуев И.Н. Мирозрение манси. Дом и космос. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1990. 232 с.
- Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Б.и., 1964. Вып. 6. С. 94–152.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Б.и., 1985. 280 с.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Б.и., 1989. 215 с.
- Голубева Л.А. Амулеты // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 153–165
- Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.
- Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Б.и., 1998. 294 с.
- Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. и публ. Н.В.Лукиной. Томск: Изд-во Том.ун-та, 1995. Т.2. 284 с.
- Косарев М.Ф. Основы языческого понимания. М.: Ладога–100, 2003. 352 с.
- Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник // Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: Б.и., 2017. 259 с.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Культура жизнеобеспечения и материальная культура средневекового Предуралья: Учеб. пособие. Пермь: Б.и., 2017. 214 с.
- Ленц Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки по археологии Пермского Предуралья. Пермь: Б.и., 2002. С.217–243
- Лобанова Т.В., Кардаш О.В., Косинцев П.А. Надымский городок: амулеты и талисманы из костей животных XIII–XVIII веков // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. матер. Всерос. науч. конф. (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.): в 2 ч. / отв. ред. В.А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Б.и., 2019. Ч. 2. С. 407–435.
- Мифологическое время: Альбом-каталог / Гос. музей природы и человека. Ханты-Мансийск. М.: Эпифания, 2003. 215 с.
- Никитина Т.Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2013. №2(4). С.151–161.
- Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: Б.и., 1999. С. 255–298.
- Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л.: Алетейя, 1928. 270 с.
- Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. М., 1951. С. 33–96.
- Тянина Е.А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Язычество и христианство древнерусского города в свете историко-археологических данных: Комплексное источниковедение. М.: Изд-во МГУ, 2011. 159–168 с.
- Федорова Е.В. Одежда манси XIX–XX вв. // Этнокультурные явления Западной Сибири. Томск: Б.и., 1978. С.196–207
- Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. №4 (30). С. 210–225.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.09.2020

NATURE-MADE CHARMS OF MAMMAL BONE IN THE MEDIEVAL PERM CIS-URALS

N. B. Krylasova

Perm Federal Research Center, Ural branch of Russian Academy of Sciences, 13a, Lenin str., 614990, Perm, Russia

Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24, Sibirskaya str., 614016, Perm, Russia

n.krylasova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2032-8292

ResearcherID: AAZ-7638-2020

Scopus Author: 18042259600

P. A. Kosintsev

Institute of Plant and Animal Ecology, Ural branch of Russian Academy of Science, 202, 8 Marta str., 620144, Yekaterinburg, Russia

kpa@ipae.uran.ru

Mammal bone charms held a special place in the culture of the Finno-Ugrian people of the Perm Cis-Urals. Apart from the drilled hole, these bones were not treated in any way. Analysis of charms unearthed in medieval settlements and burial sites showed that particular parts of the mammal's skeleton were used – mandibles of fur animals (marten, beaver, fox) and teeth, as well as talus bones of beavers and small cattle. Other bones, such as bears' ungual phalanxes, otters' penile bones, martens' and hares' lower extremities and reindeer's prongs, were less common. As for the teeth, they comprise the incisors of large ungulate animals (cattle, horses, moose deer) and the fangs of a wider range of species (martens, foxes, dogs, horses, pigs, and bears). In terms of species, there are parts of skeletons of both domestic animals (big and small cattle, horses, less commonly dogs and pigs) and wild animals (moose deer, bears, martens, foxes, beavers, otters, and hares). The finds from the burial sites showed that bear jaws and fangs, as well as beaver talus bones, were usually worn on belts, while marten and fox fangs were typically part of women's necklaces. Judging by the age and sex of the persons buried with these charms, they were the most vulnerable members of their community – children, old people and women. Charms could not have any connection with any cults or faiths cultivated within a given community, since kinds of charms such as bear fangs and claws, beaver talus bones and teeth of certain animals were widespread, their popularity extremely scattered in terms of time and space. Mammal bone charms were seen as personal helpers and were associated with superstitions rather than faith.

Key words: archaeology of the Middle Ages, paleozoology, Perm Cis-Urals, nature-made charms, mammals.

References

- Belavin, A.M. & N.B. Krylasova (2008), *Drevnyaya Afkula: arkhеologicheskiy kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: an archaeological complex in the village Rozhdestvensk], n.p., Perm, Russia, 603 p.
- Belavin, A.M. (1986), "Gorodishchenskoe settlement of the Usolka river", in Tronin, A.A. (ed.), *Priural'e v drevnosti i srednie veka* [The Cis-Ural region in ancient times and the Middle Ages], Izd-vo «Udm. un-t», Ustinov (Izhevsk), Russia, pp. 130–142.
- Fedorova, E.V. (1978), "Mansi clothing of the 19th – 20th centuries", in *Etnokulturnye yavleniya Zapadnoy Sibiri* [Ethno-cultural phenomenon of Western Siberia], TGU, Tomsk, Russia, pp. 196–207.
- Flerova, V.E. (2001), *Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII vv.: Iskusstvo i remeslo. Po materialam Sarkela-Beloy Vezhi iz kolektsii Ermitazha* [Carved bone of the South-East of Europe of the 9th – 12th centuries: Art and craft. Based on the materials of Sarkel-Belaya Vezha from the State Hermitage collection], Aleteya, St. Petersburg, Russia, 352 p.
- Gemuev, I.N. (1990), *Mirovozzrenie mansi. Dom i kosmos* [Muncie's worldview. Home and space], Nauka, SO, Novosibirsk, Russia, 223 p.
- Gening, V. F. (1964), "Demenkovsky burial – monument of the Lomovatovo culture", *Voprosy arkheologii Urala*, № 6, pp. 94–152.
- Goldina, R.D. & B.A. Kananin (1989), *Srednevekovye pamyatniki verkhov'ev Kamy* [Medieval monuments of the Upper Kama river], n.p., Sverdlovsk, Russia, 215 p.
- Goldina, R.D. (1985), *Lomovatovskaya kultura v Verkhnem Prikam'e* [Lomovatovo culture in the Upper Kama region], n.p., Irkutsk, Russia, 280 p.

- Golubeva, L.A. (1997), “Amulets”, in Kolchin, B.A. & T.I. Makarova (eds.), *Arkheologiya. Drevnyaya Rus'. Byt i kultura* [Archaeology. Ancient Russia. Life and culture], Nauka, Moscow, Russia, pp. 153–165.
- Gondatti, N.L. (1888), *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-zapadnoy Sibiri* [Traces of paganism among the natives of North-Western Siberia], Tip. E. G. Potapova, Moscow, Russia, 91 p.
- Ivanova, M. G. (1998), *Idnakar: Drevneudmurtское городище IX–XIII вв.* [Idnakar: Ancient Udmurt settlement of the 9th – 13th centuries], n.p., Izhevsk, Russia, 294 p.
- Kar'yalaynen, K.F. (1995), *Religiya ugorskikh narodov* [Religion of the Ugric peoples], Vol. 2, Izd-vo «Tom. un-t», Tomsk, Russia, 284 p.
- Kosarev, M.F. (2003), *Osnovy yazycheskogo ponimaniya* [The foundations of the pagan understanding], Ladoga-100, Moscow, Russia, 352 p.
- Krylasova, N.B. & N.G. Brukhova (2017), *Plotnikovskiy mogilnik* [Plotnikovsky burial ground], n.p., Perm, Russia, 259 p.
- Krylasova, N.B. & U.A. Podosenova (2017), *Kultura zhizneobespecheniya i materialnaya kultura srednevekovogo Preduralya* [Life support culture and material culture of the medieval Cis-Urals], n.p., Perm, Russia, 214 p.
- Lents, G.T. (2002), “Bone cutting production in the Upper Kama region”, in Belavin, A.M. (ed.), *Ocherki po archeologii Permskogo Predural'ya* [Essays on the archaeology of the Perm Cis-Urals], n.p., Perm, Russia, pp. 217–243.
- Lobanova, T.V., Kardash, O.V. & P.A. Kosintsev (2019), “Nadym town: amulets and talismans from animal bones of the 13th – 18th centuries”, in Lapshin, V.A. (ed.), *Arkheologiya Severa Rossii: Ugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv. Svod istochnikov i issledovaniy: mater. Vseros. nauch. konf.* [Archaeology of the North of Russia: Yugra – volost of Novgorod the Great in the 11th – 15th centuries. Summary of sources and research: collection of materials of the all-Russian scientific conference], Vol. 2, n.p., Surgut, Nefteyugansk, Yekaterinburg, Russia, pp. 407–435.
- Mifologicheskoe vremya* (2013) [Mythological time], Album-catalogue, Epifaniya, Moscow, Russia, 215 p.
- Nikitina, T.B. (2013), “Waist wallets/purses in the medieval burial grounds of the Vetluga-Vyatka interfluvium”, *Povolzhskaya arkheologiya*, № 2(4), pp. 151–161.
- Oborin, V.A. (1999), “The Komi-Permians”, in *Finno-ugry Povolzhya i Priuralya v srednie veka* [Finno-Ugric peoples of the Volga and Cis-Ural regions in the Middle Ages], n.p., Izhevsk, Russia, pp. 255–298.
- Sidorov, A.S. (1928), *Znacharstvo, koldovstvo i porcha u naroda komi* [Witchcraft, witchcraft and corruption among the Komi people], Aleteya, Leningrad, Russia, 270 p.
- Talitsky, M.V. (1951), “The Upper Kama Region in the 10th – 14th centuries”, in *Materialy i issledovaniya po archeologii Urala i Priural'ya. T.3* [Materials and research on the archaeology of the Urals and Cis-Urals, Vol.3], AS USSR, Moscow, Russia, pp. 33–96.
- Tyanina, E.A. (2011), “Amulets of medieval Novgorod made of animal teeth and bones”, in *Yazychestvo i khris-tianstvo drevnerusskogo goroda v svete istoriko-arkheologicheskikh dannykh: kompleksnoe istochnikovedenie* [Paganism and Christianity of the ancient Russian city in the light of historical and archaeological data: a comprehensive source study], MGU, Moscow, Russia, pp. 159–168.
- Yavorskaya, L.V. & D.U. Badeev (2019), “Bone carving workshops in trade and craft district of the medieval Bulgaria: the criteria for determining”, *Povolzhskaya arkheologiya*, №4 (30), pp. 210–225.